

А.М. Пастухов

г. Москва

О наименовании России в цинских и корейских документах XVII века.

В отечественной историографии наиболее известным наименованием России в дальневосточных документах XVII века является использованное в сочинении «Пиндин лоча фанлюэ» (составлено по приказу императора Канси членом академии Ханьлиньюань Чан Шу в 1690 г.) слово *лоча* (羅刹), имеющее основное значение *ракшас* и применяемое в буддийских текстах для обозначения злых плотоядных демонов. Соответственно, распространился миф о том, что это название было связано с фактами людоедства, документально зафиксированными в ходе экспедиции В.Д. Пояркова в 1643–1646 годах, и что оно было дано русским землепроходцам местным (даурским и дючерским) населением, на языке которого оно означало «чёрт» (см. [7, т. II, с. 797]).

Однако это верно лишь отчасти – факты людоедства в отряде Пояркова действительно отмечены в русских документах (см. [2, т. 3, док. № 12.Ш, с. 59]), однако связь между этими фактами и названием, данным местным населением русским землепроходцам, представляется более чем сомнительной. Более того, ритуальное людоедство было известно не только приамурским народам, принадлежащим к тунгусо-маньчжурской языковой группе, но и собственно китайцам, однако этот факт не явился в свое время причиной для называния китайцев или дючеров *ракшасами*.

Почему же местное население в Приамурье называло русских словом *лоча* и что это слово означает?

В первую очередь следует отвести версию об использовании слова *лоча* в его буддийском значении *ракшас* и переносе его значения в смысле «плотоядный демон» на русских землепроходцев вследствие отмеченных в документах фактов вынужденного людоедства.

Как известно, приамурские народы во второй половине XVII века относились к трем основным языковым группам – монгольской (дауры), тунгусо-маньчжурской (дючеры) и палеоазиатской (гиляки). Все три группы населения находились на разных стадиях социально-экономического развития и их религиозные культы находились в соответствии с этими стадиями. Однако ни у одной из этих племенных групп не

наблюдалось распространения буддийского культа ни в одной известной нам форме. Даже в период династии Цзинь (1115–1234), когда *чжурчжэни* тесно общались с китайцами в рамках единого государственного образования, распространение буддизма ограничивалось кругом высшей знати и некоторых членов императорского дома, причем отмечалось, что собственно нравственные законы буддизма не исполнялись особенно строго (см. [1, с. 135]). То есть заповеди о непричинении зла насилем не встречали значительного отклика в среде самой чжурчжэньской знати.

После падения династии Цзинь и последовавшего смещения монгольских и чжурчжэньских племен, чересполосно проживавших на территории современных Маньчжурии, Приморья и Приамурья, наблюдается общий упадок культуры этих племен и определенный регресс в их развитии. Экспансия государств Корё (高麗, 918–1392), а затем – Чосон (朝鮮, 1392–1910) и Мин (明, 1368–1644) против чжурчжэньских племен также не могла привести к сколько-нибудь широкому распространению буддизма – пришедшая к власти в Корее династия Ли провозгласила отход от принципов политики Корё, покровительствовавшей буддизму, а влияние империи Мин в Приамурье было слишком слабым, и единственный зафиксированный в документах случай возведения буддийского храма на Амуре в ходе экспедиции минского евнуха Ишиха в 1413 г. своими подробностями лишь подтверждает отсутствие верующих-буддистов в этом регионе.

Таким образом, до самого момента вступления в непосредственный контакт русских землепроходцев и приамурских племен, включая потенциально монголоязычных дауров¹, буддийская религия и тем более образы буддийской мифологии не были распространены среди приамурских народов².

В то же самое время у монгольских и тунгусо-маньчжурских народов был распространен шаманизм, обладавший собственным пантеоном злых духов. Соответственно, злобные духи-людоеды назывались у монголоязычных народов мангус (конкретно у дауров – мангэ), а у тунгусоязычных – бусяку или бусэу.

Таким образом, мы видим, что ни в лингвистическом, ни в историко-культурологическом плане не имеется никаких предпосылок для оправдания версии о том, что русские землепроходцы получили название «чёрт» от местного населения Приамурья в связи с фактами вынужденного людоедства зимой 1644–1645 годов.

Кроме того, корейский военачальник Син Нью, принимавший участие в маньчжурском походе на Амур в 1658 г., однозначно свидетельствует о том, что местное население также практиковало ритуальное людоедство: «13-й день. Пасмурно. Выступили с места сражения и прибыли в устье Амура, где и заночевали... Лесные варвары (曰可) и собачники (犬部落民), находя в поле разбросанные тела врагов, резали их в куски и поедали». Об этом же косвенно свидетельствует и отписка О. Степанова о судьбе посольства Т. Чечигина – казаки нашли в покинутых домах дючеров мелкие обрезки одежды и личных вещей членов посольства, что, по нашему мнению, свидетельствует о том, что дючеры не только убили, но и съели послов русского царя. Ритуальное людоедство зафиксировано и у китайцев – в описании казни всемогущего временщика Лю Цзиня в период Мин (см.

[9, с. 121]). О вынужденном каннибализме среди этнических ханьцев ярко свидетельствует дневник одного из участников обороны Кайфэна от повстанческих войск Ли Цзычэна – Ли Гуаньдяня (см. [8, с. 205–206]).

Следовательно, ситуация с голодом в отряде Пояркова и последовавшим за этим вынужденным каннибализмом не являлась чем-то из ряда вон выходящим как для местного населения приамурских районов, так и для собственно ханьцев, проживавших на расстоянии сотен и тысяч *ли* от места первой встречи русских землепроходцев и цинских вассалов. Тем более что между временем составления «Пиндин лоча фанлюэ» и периодом действий на Амуре отряда Пояркова пролегает временная дистанция почти в полвека, насыщенная событиями, значительно более драматичными, чем те, которые произошли в первую очередь среди русских казаков в осажденном даурами лагере ранней осенью 1645 г.³

Однако запись в «Дай Цин Шицзу шилу» о первой встрече русских с маньчжурами, зафиксированная в цинских документах, – описание сражения отряда Хайсэ (海色) против казаков Хабарова 24 марта 1652 г. (по ст. стилю) у Ачанского городка – называет русских *лоча* (羅刹), т.е. *ракшасы*. Казалось бы, версия о том, что название русских в цинских документах обусловлено их поступками в начале 1645 г., получает подтверждение. Однако запись о следующем контакте Цинов с русскими – посольством Ф. Байкова, прибывшим в Пекин в марте 1654 г., – фиксирует уже посольство из страны Элосы (俄羅斯 или 鄂羅斯) от Белого Царя (察幹 罕 汗 – от монг. Цагаан-хан). При этом в Пекине прекрасно осознавали, что имеют дело с представителями того же самого государства, воины которого уже не раз вступали в бой с цинскими войсками. Хошоутский *тайджи* Аблай писал русскому царю Алексею Михайловичу в 1657 г.: «А приказывал к Федору Байкову китайской бугдухан-царь, что он, Федор, прислан от великого государя в послех, а з другую де сторону ево ж, китайского царя, земли [велико]го государя люди воюют» (см. [7, т. 1, док. № 85, с. 217]). Очевидно, что Элосы означает здесь китайскую фонетическую запись маньчжурского слова Орос, т.е. Россия, при помощи иероглифов. Причем также очевидно, что маньчжурское Орос – это заимствование из монгольского языка, поскольку посольство Байкова шло в Пекин через земли ойратского *тайджи* Аблая на Хухэ-Хото.

В дальнейшем в войну на стороне империи Цин вступает ее вассал – корейское государство Чосон. В корейских документах название русских звучит по-разному – *Рочху* (虜酋), *Расон* (羅禪), *Рочха* (虜車) и т.д. Первая запись в дневнике Син Нью о противнике, с которым ему предстояло сразиться, звучала как *Роджок* (虜賊 – букв. «разбойники Ро» или «северные презренные рабы-разбойники»). С одной стороны, это дань традиции, согласно которой северные племена именовали общим именем *лу* (虜)⁴, а с другой – возможно, попытка передать звучание нового этнонима через привычные понятия⁵.

В результате мы видим, что с 1652 г. в официальных документах империи Цин и государства Чосон фигурирует по меньшей мере четыре основных типа записи этнонима «русские» с вариантами, обусловленными подбором иероглифов с аналогичным звучанием: *лоча*, *элосы*, *рочха* и *расон*. Интересно, что в корейских документах 1650-х годов русские называются

только *рочха* или *расон*, что созвучно китайскому *лоча*, но не *элосы* (кор. *араса*). Первый раз корейцы называют русских *араса* в 1689 г. после встречи с русским посольством в Пекине (см. [5, с. 42]). Причина этого в том, что в 1650-е годы военные контакты Китая и Кореи, направленные на разгром и вытеснение русских отрядов с Дальнего Востока, происходили только в Приморье и Приамурье, заселенными народами, принадлежащими к тунгусо-маньчжурской языковой группе. В их языке слово русский, по свидетельству Син Нью, звучало как *рочу*: «20-й день. Ясно. Стоим в устье Сунгари... Говоря про врагов, цинские солдаты называют их *рочху* (虜酋)». Записи Син Нью очень точно отражают произношение тунгусских слов, поскольку он не следовал книжным традициям написания тех или иных слов (поскольку в те годы для России и народов Приамурья их вообще не существовало), а записывал услышанное фонетически, ориентируясь на корейское звучание иероглифов. Аналогично пытались поступать цинские чиновники-китайцы и для передачи тунгусских слов. Но поскольку в китайском языке нет слогов, начинающихся со звука «р», то при записи китайскими иероглифами, приходилось заменять его на «л» или «ло». Поэтому вариант записи *лоча* является китайской фонетической записью тунгусского слова *рочу* при помощи иероглифов.

Эта версия тунгусского происхождения слова *лоча* подтверждается записью в «Пиндин лоча фанлюэ»: «Тех, которые поселились на границах недалеко от Хэйлунцзяна, *дауры* и *солоны* прозвали *лоча*»⁶. И по всей видимости, чисто случайно одной из первых записей оказалась запись, совпавшая со звучанием слова *ракшасы*. Подбор иероглифов оказался удобным мнемоническим приемом для чиновников. Тем не менее продолжали широко бытовать и другие варианты иероглифической записи этого нового для империи Цин этнонима: *лочэ* (邏車), *лучэ* (虜車) *лаоча* (老叉), *лаоцянь* (老羌). Наличие столь широкого спектра вариантов записи нового для Китая этнонима наводит на мысль, что в период Шуньчжи не существовало установленных нормативов по записи слова «Россия/русский».

Второй вариант написания слова «русский» мы встречаем в документах, посвященных описанию официальных сношений между империей Цин и Русским государством. Языком-посредником при переговорах, судя по всему, изначально был монгольский, которым владели как русские, так и маньчжуры. От монголов маньчжуры получили и сведения о том, что русские владения расположены «у берегов Северного моря», т.е. Байкала, отраженные в дневнике Син Нью. По-монгольски Россия/русский звучало как Орос и, учитывая особенности фонетики китайского языка, можно считать твердо установленным, что Элосы является фонетической записью слова Орос при помощи китайских иероглифов. Это же объясняет и существование в ранних цинских документах двух разных вариантов записи этого слова – 俄羅斯 и 鄂羅斯. Однако, судя по цитированному выше сообщению хошоутского *тайджи* Аблая, маньчжуры, несмотря на разницу написаний этнонима «русский» в сообщениях с Амура и документах Либу (禮部), прекрасно отдавали себе отчет в том, что имеют дело с представителями одного и того же государства. Это дополнительно подтверждает наше предположение о том, что иероглифическая запись этнонима «русский», идентичная буддийскому термину *ракшас*, является чисто

случайным совпадением. Разница в записи *лоча* и *элосы* происходила лишь от пути заимствования этого этнонима в Китае – через тунгусов или же монголов, и на первых порах не несла никакой идеологической нагрузки⁷.

Впоследствии разница в написании приобрела большое значение – термином *лоча* в империи Цин стали называть албазинских казаков, продолжавших совершать грабительские набеги на даурские и дючерские поселения, как это отмечено в «Пиндин лоча фанлюэ». Термин Элосы сохранился для официального обозначения России и царских послов, прибывавших в Пекин со стороны Монголии. Выдвинутые еще Федором Байковым оправдательные версии о том, что действующие на Амуре казаки являются бунтовщиками, спасающимися от карательных отрядов царского правительства и действующими на свой страх и риск, укрепили цинских чиновников во мнении, что албазинские казаки отличаются от официальных представителей царского правительства и заслуживают отдельного наименования «для ясности» (см. [7, т. 1, док. № 183, с. 380–381]). По нашему мнению, именно в этот момент начинается переосмысление иероглифической записи *лоча* и придание ей идеологической нагрузки.

В 1670-е годы иероглифическая запись *лоча* не связывалась с фактами людоедства, совершенными казаками В.Д. Пояркова зимой 1644–1645 годов. Перевод этого термина, сделанный переводчиком в Пекине для Н.Г. Спафария-Милеску, уверял русского посла в том, что это слово означает «разбойник». По всей видимости, так его и воспринимали сами китайцы, поведение же албазинских казаков давало повод для такого их восприятия. Более того, Спафарию сказали, что маньчжуры даже хотели нанести удар по Нерчинску, считая, что размещенный в нем казачий гарнизон также является беглыми преступниками, какими являлись прощенные царским правительством в 1672 г. албазинцы, и лишь узнав, что нерчинский гарнизон поставлен в остроге по приказу царского правительства и не является *лоча* (т.е. разбойниками), цинский отряд отступил.

Однако именно после неудачного посольства в империю Цин Спафария-Милеску император Канси принял решение вытеснить русских с Амура военной силой. В стране, истощенной постоянными войнами, новый поход не пользовался популярностью. Необходимо было создать благоприятное общественное мнение, для того чтобы начать новую военную кампанию практически сразу же после окончания покорения Тайваня⁸. Соответственно, стала тщательно разрабатываться версия о том, что русские, населявшие амурские остроги и деревни, являются порождениями ада – злобными демонами *лоча*, поедающими людей. Были подняты все факты, которые говорили о жестоком обращении казаков с местным населением, раздувались все случаи приграничных стычек между даурами и казаками (см. [7, т. 2, с. 660–661]), проводилась массовая агитация среди тунгусов и якутов (см. [6]). Поскольку эти действия цинского правительства имели под собой реальную, пусть и преувеличенную основу, население Приамурья откликнулось на эти призывы.

Именно поэтому в 1680-х годах началось массовое использование термина *лоча* для целей агитации, а после заключения Нерчинского мирного договора 1689 г. по приказанию императора Канси *ханьлинем* Чан Шу было составлено сочинение «Пиндин лоча фанлюэ», которое окончательно

закрепило в массовом сознании версию о плотядных демонах, которым противостояли на Амуре доблестные войска совершенномудрого императора. Таким образом, была завершена история 38-летнего бытования двух разных терминов для обозначения России – Лоча и Элосы. Поскольку отношения между странами были нормализованы, а набеги албазинских казаков на дауров и тунгусов прекратились, то сам термин *лоча* изжил себя и для официальной переписки было оставлено только слово Элосы или сокращенно – Э, которым с 1654 г. китайские чиновники пользовались при официальных сношениях с Россией.

Таким образом, тщательный анализ источников позволяет выделить разные этапы в изменении этнонима «русский» в китайском языке. Применение для этой цели двух разных терминов на раннем этапе русско-китайских отношений отражает как пути знакомства маньчжуров и китайцев с русскими, так и изменения в отношении к России по мере эскалации конфликта в Приамурье. Изначальное название русских в цинских документах *лоча* не имеет ничего общего с буддийским термином *ракшас* и является простой фонетической записью нового для китайцев этнонима. Негативное переосмысление его происходит гораздо позднее – более чем через 20 лет с момента первого непосредственного контакта между русскими казаками и официальными представителями империи Цин в приамурских княжествах. Нормализация русско-цинских отношений после 1689 г. приводит к изживанию термина *лоча*, приобретшему в империи Цин резко отрицательное значение, и закреплению за новым соседом Китая названия *Элосы*.

Таблица 1

Источник	Автор	Датировка	Применяемый термин
«Нингута цзилюэ» 寧古塔記略	У Наньжун 吳南榮		Лочэго 邏車國
«Любянь цзилюэ» 柳邊紀略	Ян Бинь 楊賓		Элосы 俄羅斯
«Пукчоньнок» 北征錄	Син Ню 申劉 (1619–1680)	1658	Рочху 虜酋, Оросо 吳老所, Чхахангук 車漢國, Обьльсо 吳乙素
«Тонмун хвиго» 同文彙考			Расон 羅禪
«Дай Цин Шицзу шилу» 大清世祖實錄			Элосы 俄(鄂)羅斯
«Пиндин лоча фанлюэ» 平定羅刹方略		1690	Лоча 羅刹, Олосы 鄂羅斯
Разные корейские и цинские документы XVII века 朝鮮清史料			Мочэ (Мэкчха) 貉車, Лучэ (Рочха) 虜車, Лаоча (Рочха) 老叉, Лаоцян (Роган) 老羌, Чахань; Русский царь – Чаханьхань, Чаганьхань 察幹(罕)汗

Источник	Автор	Датировка	Применяемый термин
«Цин ши гао» гл. 30 «Жизнеописание Шар- ходы» 清史稿 列传三十 沙尔虎达 子 巴海 安珠瑚 刘之源 吴守进 巴山 张大猷 喀喀木	Чжао Эрсюнь 趙爾巽	1927	Элосы 俄羅斯

Примечания

¹ Вопрос об изначальной языковой принадлежности дауров остается открытым, т.к. надежных свидетельств современников мы не имеем, а последующие обследования выявили как монголоязычные дауров, переселенных с верховьев Амура на реку Нонни-ула, так и тунгусоязычные дауров, оставшихся на месте исконного проживания. Учитывая сложные процессы этногенеза, разделяющие позднесредневековую народность дауров с даурами XX века, можно с равной долей вероятности предположить как изначальное монголоязычие, так и изначальное тунгусоязычие этого народа.

² Активное распространение буддизма среди монголов началось только в последней четверти XVI века, и в первой половине XVII века монгольское население восточной части Халхи и современной Маньчжурии не являлось буддистами.

³ В своих записках, отстоящих от времен похода Пояркова всего на 13 лет, Син Нью ни словом не обмолвился о том, что русские прославились как людоеды – скорее всего, это обусловлено тем, что этот факт был шоком для дауров лишь в момент первого соприкосновения с русскими.

⁴ Китайское чтение этого иероглифа *лу*, корейское – *ро*.

⁵ Возможно, участвовавший в походе 1654 г. на Амур корейский *пёнма уху* Пён Гып, служивший в провинции Хамгён, также оставил свои записки, в которых описал сражение в мае 1654 г. в низовьях Сунгари. Поэтому вопрос о применении термина *роджок* в дневнике Син Нью заслуживает отдельного исследования. О записках Пён Гыпа сообщает В.Г. Щебеньков (см. [10, с. 133]). На традицию применения старых понятий для обозначения новых этнонимов указывает такая форма написания слова Россия, как Мочэ (Мэкчха, 貉車) – от названия протокорейского племени *мэк*, частично обитавшего в Южном Приморье, т.е. в землях, близких к театру военных действий.

⁶ См. [7, т. 2, с. 660]. Современное монголоязычие *дауров* и *солонгов* не является аксиомой для середины XVII века. Кроме того, часть *солонгов* вошла в состав современного нанайского народа, что говорит об определенной этнической близости этих народов (см. [3, с. 159]).

⁷ Следует также отметить, что ненцы называли русских «луца», якуты – «нуча» (начальный «р» переходит в «н»), а современные нанайцы – «лоца».

⁸ Начать военную кампанию против русских на Амуре предполагалось еще в 1683 г., но по рассмотрению вопроса было признано, что подготовка к войне не завершена и начало военных действий было перенесено (см. [4, с. 145]).

Литература

1. *Воробьев М.В.* Культура чжурчженей и государства Цзинь (X в.–1234 г.). М., 1983.
2. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1–12. СПб., 1846–1875.
3. История и культура нанайцев: Историко-этнографические очерки. СПб., 2003.
4. *Мелихов Г.В.* Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М., 1974.
5. *Пак Б.Д.* Россия и Корея. М., 2004.
6. *Пиеничный И.В.* Русская Азия. СПб., 2006.
7. Русско-китайские отношения 1608–1683. Т. 1, 2. М.: Наука, 1969, 1972.
8. *Симоновская Л.В.* Антифеодальная борьба китайских крестьян в XVII веке. М., 1966.
9. Хрестоматия по истории Китая в средние века (XV–XVII вв.) М., 1960.
10. *Щебеньков В.Г.* Русско-китайские отношения в XVII веке. М., 1960.